

УДК 811.161.1'373.611'367.622

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ -В- И ЕГО АЛЛОМОРФАМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О. И. СОЛОДКАЯ¹⁾

¹⁾Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
ул. Советская, 108, 246016, г. Гомель, Беларусь

Прослеживается история вещественных существительных с суффиксом -в- и его алломорфами в русском языке. Устанавливается степень продуктивности словообразовательного типа данных существительных на разных хронологических срезах, характеризуется словообразовательная структура исследуемых слов с выявлением семантических и грамматических особенностей производящей основы. На базе данных этимологических словарей, а также словообразовательного и лексического анализа вещественных субстантивов, образованных с помощью суффикса -в-, установлено снижение степени продуктивности рассматриваемого словообразовательного типа по направлению от праславянского периода к современному языковому состоянию, преобладание глагольных производящих основ, явление синонимической конкуренции с суффиксами -н-, -л-, -ј-, -к- или их алломорфами, дана тематическая классификация рассматриваемых субстантивов, установлено явление утраты существительными с вещественным значением многозначности в литературном языке при ее сохранении в диалектах.

Ключевые слова: хронологический срез; вещественный субстантив; суффикс; алломорф; девербатив; производящая основа; словообразовательный синоним.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого при поддержке Министерства образования Республики Беларусь (грант № 20200684).

РЭЧЫЎНЫЯ НАЗОЎНІКІ З СУФІКСАМ -В- І ЯГО АЛАМОРФАМІ Ў РУСКАЙ МОВЕ: ДЫЯХРАНІЧНЫ АСПЕКТ

А. І. САЛОДКАЯ^{1*}

^{1*}Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны,
вул. Савецкая, 108, 246016, г. Гомель, Беларусь

Прасочваецца гісторыя рэчывных назоваў з суфіксам -в- і яго аламорфамі ў рускай мове. Акрэсліваецца ступень прадуктыўнасці словаўтваральнага тыпу рэчывных назоваў з суфіксам -в- на розных храналагічных зрэзах, характарызуецца словаўтваральная структура слоў, якія даследуюцца, з вызначэннем семантычных і граматычных асаблівасцей утваральнай асновы. На аснове даных этымалагічных слоўнікаў, а таксама словаўтваральнага і лексічнага аналізу рэчывных субстантываў, утвораных пры дапамозе суфікса -в-, выяўлена паніжэнне ступені прадуктыўнасці дадзенага словаўтваральнага тыпу ў кірунку ад праславянскага перыяду да

Образец цитирования:

Солодка ОИ. Вещественные существительные с суффиксом -в- и его алломорфами в русском языке: диахронический аспект. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2020;3:58–67.

For citation:

Solodkaya OI. The substance nouns with -v- suffix and its allomorphs in Russian language: the diachronic aspect. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2020;3:58–67. Russian.

Автор:

Оксана Ивановна Солодка – аспирантка кафедры русского, общего и славянского языкознания филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Е. И. Тимошенко.

Author:

Oxana I. Solodkaya, postgraduate student at the department of Russian, general and Slavic linguistics, faculty of philology.
solodkaja.oksana@yandex.by

сучаснага моўнага стану, перавага дзеяслоўных утваральных асноў, з'ява сінанімічнай канкурэнцыі з суфіксамі *-н-, -л-, -j-, -к-* або іх аламорфамі, дадзена тэматычная класіфікацыя рэчыўных назоўнікаў з суфіксам *-в-*, вызначана з'ява страты назоўнікамі з рэчыўным значэннем мнагазначнасці ў літаратурнай мове пры яе захаванні ў дыялектах.

Ключавыя словы: храналагічны зрэз; рэчыўны субстантыў; суфікс; аламорф; дэвербатыў; утваральная аснова; словаўтваральны сінонім.

Падзяка. Артыкул напісаны ў рамках даследавання, якое праводзіцца пры падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь (грант № 20200684).

THE SUBSTANCE NOUNS WITH *-v-* SUFFIX AND ITS ALLOMORPHS IN RUSSIAN LANGUAGE: THE DIACHRONIC ASPECT

O. I. SOLODKAYA^a

^a *Francisk Skorina Gomel State University, 108 Savieckaja Street, Homiel 246016, Belarus*

The history of substance nouns with the *-v-* suffix and its allomorphs in Russian language is considered. The purpose of the article is to determine the degree of productivity of the type of formation of substance nouns with the *-v-* suffix on different periods of time, as well as to characterize the derivational structure of the studied words with the definition of the semantic and grammatical features of the generating basis. On the basis of data from etymological dictionaries, as well as derivational and lexical analysis of material substances formed with the *-v-* suffix, it was established the following: a decrease in the degree of productivity of the word-formation type under consideration in the direction from the Proto-Slavic period to the modern linguistic state; the predominance of verbal generative bases; the phenomenon of synonymous competition with suffixes *-n-, -l-, -j-, -k-* or their allomorphs; the thematic classification of the considered substances is given; the phenomenon of the loss of polysemy by nouns with a material meaning in the literary language, while retaining it in dialects, was established.

Keywords: periods of time; substance noun; suffix; allomorph; deverbative; generative base; derivational synonym.

Acknowledgements. The article was written as part of a research supported by the Ministry of education of the Republic of Belarus (grant No. 20200684).

Введение

Для определения направлений развития словообразовательной подсистемы необходимо глубокое изучение происхождения, истории и функционирования словообразовательных типов и моделей, а также отдельных формантов. Игнорирование форманта при изучении лексической единицы может привести к ошибочной этимологии: «Яснее системность форманта, чем основ. Поэтому именно анализ форманта – часто наилучшая руководящая нить при этимологизации, обнаруживающая ряд, в котором возникло слово, и тем самым устанавливающая одну из осей для определения его координат» [1, с. 225]. При этом исследователи полагают, что основанием этимологии в современном языкознании становится изучение не только набора словообразовательных формантов, но и их роли в создании конкретных лексико-грамматических групп слов, изучение омонимии и полисемии словообразовательных формантов [2, с. 206].

Так, И. С. Улукханов в качестве одной из ключевых задач исторического словообразования определяет изложение процессов эволюции конкретных словообразовательных типов и средств, выявление их взаимодействия в разные эпохи, а также показ общих тенденций развития словообразовательной системы русского языка и основных причин ее эволюции [3, с. 9]. Названные направления исследования были выделены более 20 лет назад, однако работ, посвященных изучению истории отдельных словообразовательных типов в русском языке, крайне мало. Это исследования В. Б. Сузанович «Имена существительные с суффиксом *-л(о)* и их производные в русском языке», Н. В. Суворовой «Отглагольные существительные с суффиксами *-аг(а)*, *-ак(а)*, *-ух(а)* и *-ушк(а)* в истории русского языка», А. В. Войтенко «Отглагольные имена существительные на *-тв(а)* в русском языке», К. В. Бекрениевой «История имен существительных с суффиксом *-ын(я)* в русском языке». Отсутствие работ, посвященных диахроническому изучению субстантивов, образованных с помощью форманта *-в-* (вопросы происхождения суффикса освещались в трудах А. Мейе, Э. Бенвениста, А. Вайяна, фрагментарные наблюдения за функционированием суффикса в истории русского языка представлены в работе Ю. С. Азарх «Словообразование

и формообразование существительных в истории русского языка»), обуславливает актуальность данной темы.

Как показывает анализ научной литературы, в вопросе изучения истории отдельных словообразовательных типов камнем преткновения для исследователей становится понятие продуктивности форманта и в особенности определение степени продуктивности форманта для разных хронологических срезов языка. Так, ряд лингвистов придерживается мнения, согласно которому словообразование должно указывать, как создавать новые лексические единицы, в то время как морфемный и словообразовательный анализ уже существующих лексических единиц – задача словаря. Данная точка зрения противоречит утверждению О. Н. Трубачева о том, что словообразование «в своей сущности исторично» [4, с. 154]. Любое явление словообразовательной системы «в силу диахроничности процесса возникновения новых слов и динамичности словообразовательной системы можно глубоко и всесторонне познать только с помощью комплексного – синхронно-диахронического – исследования, рассматривая слова как результат деривации в большом контексте языковой современности и истории» [5, с. 16]. В. В. Виноградов отмечает, что при описании системы современного русского словообразования необходимо изучение устойчивых на протяжении длительного времени как продуктивных, так и вновь развивающихся словообразовательных типов. При этом лингвист подчеркивает, что и анализ «непродуктивных словообразовательных типов может вскрыть исторические тенденции в развитии словообразования» [6, с. 202].

Исследование истории непродуктивных словообразовательных типов позволяет проследить конкуренцию и взаимодействие разных словообразовательных типов в истории русского языка и тем самым выявить направления эволюции словообразовательной системы.

Наблюдения за языковым материалом показывают, что словообразовательный тип отглагольных имен существительных, образованных с помощью суффикса *-в-*, на современном этапе функционирования языка непродуктивен, в то время как в предыдущие исторические периоды он являлся продуктивным. Выяснение происхождения суффикса, значений, которые он приносил в производные имена существительные, а также определение характера производящих основ позволяет раскрыть историю словообразовательного форманта и словообразовательного типа.

Цель статьи – выявление степени продуктивности словообразовательного типа вещественных имен существительных, образованных с помощью суффикса *-в-* и его алломорфов *-ив-*, *-ев-*, *-ов-*, *-ав-*, на разных хронологических срезах, а также характеристика словообразовательной структуры исследуемых слов (с определением семантических и грамматических особенностей производящей основы).

Материалы и методы исследования

Языковой материал исследования, включающий вещественные имена существительные со словообразовательным суффиксом *-в-*, собран посредством сплошной выборки из «Этимологического словаря славянских языков», «Словаря русского языка XI–XVII вв.», «Обратного словаря русского языка». Проведен словообразовательный и лексический анализ выявленных вещественных субстантивов, выполнен поиск производных слов, находящихся в отношениях словообразовательной синонимии с рассматриваемыми вещественными именами существительными на разных хронологических срезах.

Результаты и их обсуждение

Вещественные имена существительные составляют один из древнейших лексических пластов, что подтверждает реконструкция для праславянского языкового периода более 50 вещественных субстантивов с суффиксом **-v-*, зафиксированных в этимологических лексикографических источниках славянских языков: **čistivo*, **dojivo*, **gorivo*, **kadivo*, **kalivo*, **kosivo*, **krǫživo*, **krěšivo*, **kurivo*, **kur'ava*, **kvasivo*, **kьlivo*, **kьrmivo*, **lēčivo*, **lēpivo*, **melčivo*, **melivo*, **mēsivo*, **moltivo*, **mqtivo*, **drьgьva*, **dьrstva*, **ēdivo*, **ēstivo*, **lējava*, **mazivo*, **melvo*, **melzivo*, **metivo*, **met(j)ava*, **mētivo*, **mlivo*, **mьrva*, **obmelzivo*, **lьjavica*, **mēsivo*, **morvo*, **glěvь*/**glěva*, **gliva*, **lučivo*, **marivo*, **mēšava*, **močьva*, **nikьva*, **pečivo*, **pivo*, **sočivo*, **varivo*, **murava*, **pelva*, **žьnivo*, **vьrvь*, **předivo*. Однако в хронологически более поздние периоды функционирования русского языка наблюдается сокращение числа таких субстантивов. Так, опираясь на материал доступных этимологических словарей, можно утверждать, что среди реконструируемых для праславянского среза лексических единиц с вещественным значением в древнерусском языке и в более поздние периоды функционирования русского языка сохраняется более 30 слов, образованных при помощи суффикса **-v-* (**-(i)v-*), например: **krǫživo* → *кружево*, **melivo* → *мелево*, **krěšivo* → *крошево*, **melzivo* → *молозиво* и др. Немногим более половины выявленных слов зафиксировано в памятниках древнерусской и великорусской письменности, остальная часть существительных сохраняется в диалектах.

Рассматриваемые субстантивы с суффиксом *-v- (-в-) и его алломорфами (-ив-, -ев-, -ов-, -ав-) называют различные виды и типы веществ и могут быть разделены на пять тематических групп.

1. Имена существительные, называющие пищевые продукты:

- ***kǎlivo**; др.-рус., ст.-рус. *коливо* ‘род жертвенной пищи или возлияния’ (ср. греч. *χόλυβον* ‘вареная пшеница’), ‘кутья, вареная пшеница, приправленная медом и ягодами, приносимая в церковь для благословения’ (Срезневский, т. 1, с. 1251; СРЯ X–XVII, вып. 7, с. 239) (ср. бел. диал. *колева* ‘медовое блюдо и покрошенные туда баранки или булка’ (ЭСБМ, т. 5, с. 92), укр. *коливо* ‘кутья, канун’ (СУМ, т. 2, с. 268; ЭССЯ, вып. 13, с. 187–188)). Русским говорам известны омонимы *колево*, *коливо* ‘поминальная каша, кутья’, ‘кушанье, употребляемое во время христианского обряда поминовения мертвых’ (СРНГ, вып. 14, с. 122);

- ***metivo**; рус. диал. *мети́во* ‘корм для лошадей – сено, заваренное кипятком и посыпанное мукой’, ‘корм для скота – солома, заваренная кипятком’, ‘корм для свиней – капуста, посыпанная мукой’, *мети́ва* ‘корм для скота: солома, заваренная кипятком’ (СРНГ, вып. 18, с. 138; ЭССЯ, вып. 18, с. 119);

- ***měšava**; (ср. словен. *mešava* ‘смесь’ (ЭССЯ, вып. 18, с. 217), рус. диал. *мешево*, *мешаво*, *мешева* ‘кормовая смесь (из сена, соломы и т. д. с добавлением воды, муки, отрубей)’, *мешево*, *мешаво* ‘мелкий рыхлый лед на реке’, *мешва* ‘смесь, мешанина’ (СРНГ, вып. 18, с. 148));

- ***mešivo**; ст.-рус. *мятиво* ‘месиво’ (СРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 352) (ср. бел. *мяцьва* ‘корм для свиней: мелкорубленая трава, посыпанная мукой’, ‘блюдо, приготовленное из овощей’ (ЭСБМ, т. 7, с. 155)), рус. диал. *мятево*, *мятиво* ‘что-либо смявшееся, превратившееся в бесформенную массу; месиво’, ‘корм для домашней птицы’, ‘мякина’ (СРНГ, вып. 19, с. 90));

- ст.-рус. **поуво** ‘пойло’ (СРЯ XI–XVII, вып. 16, с. 128) (ср. бел. *поіва* ‘пойло, приготовляемое для коров, с примесью отрубей или муки’ (Насовіч, с. 456), рус. диал. *поуво* ‘то, что пьют; питье; питье для скота’, ‘пойло’ (СРНГ, вып. 28, с. 343–344), *пойво* ‘пойло для скота’, *пойва* ‘пойло’ (СРНГ, вып. 28, с. 351)).

К данной тематической группе относятся также имена существительные **ēdivo* (ЭССЯ, вып. 6, с. 40), **krǎšivo* (ЭССЯ, вып. 13, с. 54), **kvasivo* (ЭССЯ, вып. 13, с. 153), **melzivo* (ЭССЯ, вып. 18, с. 95), **mēsivo* (ЭССЯ, вып. 18, с. 201), **mešivo* (ЭССЯ, вып. 19, с. 7), **pečivo* (ЭСБМ, т. 9, с. 115), **pivo* (ЭСБМ, т. 9, с. 120), *sočivo* (Vaillant, p. 714; ЕСУМ, т. 5, с. 364), **varivo* (SEJP, s. 680; Vaillant, p. 714), *жарево* (ССРЛЯ, т. 4, с. 35), *хлѣбово* (ССРЛЯ, т. 17, с. 181).

2. Имена существительные, называющие сельскохозяйственные культуры или отходы, образующиеся после их обработки, растительность:

- ***kosivo**; рус. диал. *косево*, *косиво* ‘трава, созревшая для кошения’ (СРНГ, вып. 15, с. 48);

- ***melivo**; ст.-рус. *меливо* (*мелево*) ‘зерно для помола’ (СРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 78) (ср. болг. *меливо* ‘меливо’, серб.-хорв. *meľivo* ‘то, что мелется, предназначенное на помол’, словен. *melivo* ‘зерно, предназначенное на помол’, ст.-пол. *mlivo* ‘смолотое зерно, мука с отрубями; зерно на помол’ (ЭССЯ, вып. 18, с. 83), укр. диал. *меливо* ‘мливо’ (СУМ, т. 2, с. 416)), рус. диал. *мелево* ‘что мелется, будет молотиться или смолото; мука’ (Даль, т. 2, с. 324), рус. прост. *мелево* ‘то, что подлежит размолу или размолото’ (ССРЛЯ, т. 6, с. 802));

- ***melvo** (ср. болг. *млево*, *мливо* ‘зерно на помол’, серб.-хорв. диал. *mlěvo* ‘зерно для помола; мельница’, чеш. *mlivo* ‘зерно для помола’, ст.-пол. *mlivo* ‘смолотое зерно’, пол. *mlęwo* ‘помол; то, что смолото за раз; мельница’ (ЭССЯ, вып. 18, с. 92–93), рус. диал. *молово* ‘то, что молотят’ (СРНГ, вып. 18, с. 220));

- ***mlivo**; ст.-рус. *мливо* ‘мелево, помол; процесс помола’ (СРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 189) (ср. болг. *мливо*, *млево* ‘зерно на помол’, макед. *мливо* ‘мелево, зерно на помол’, серб.-хорв. *mlivo* ‘зерно на помол’, ‘то, что перемолото’, ст.-пол. *mlivo* ‘мука (с отрубями)’ (ЭССЯ, вып. 19, с. 68–69), укр. *мливо* ‘зерно, приготовленное для помола; мука; молотье’ (СУМ, т. 2, с. 435), бел. *mlіва* ‘смолотое зерно; продукт помола’ (ТСБМ, с. 167)), рус. диал. *мливо* ‘зерно, предназначенное для помола; мука’ (СРНГ, вып. 18, с. 183–184), ‘что мелется, будет молотиться или смолото; мука’ (Даль, т. 2, с. 324));

- ***moltivo** (ср. словен. *mlativo* ‘то, что обмолачивается’, ст.-чеш. *mlativo* ‘то, что обмолачивается (зерно)’ (ЭССЯ, вып. 19, с. 194), рус. диал. *молочиво* ‘снопы для обмолота’ (СРНГ, вып. 18, с. 244));

- рус. диал. **мочиво** ‘лен, конопля, холст и т. п., вымачиваемые при обработке в воде’ (СРНГ, вып. 18, с. 319).

К группе субстантивов, называющих сельскохозяйственные культуры или отходы, образующиеся после их обработки, растительность, также следует отнести существительные **murava* (ЭССЯ, вып. 20, с. 192), **mьrva* (ЭССЯ, вып. 21, с. 151–153), **pelva* (Фасмер, т. 3, с. 227), **žьnivo* (ЭСБМ, т. 3, с. 234), *сеево* (ССРЛЯ, т. 13, с. 571).

3. Имена существительные, называющие природные и другие вещества, лекарства:

- **kalivo* (ср. словац. диал. *kal'ivo* 'грязная вода после мытья тела, картофеля' (ЭССЯ, вып. 9, с. 124), рус. диал. *калево, каливо* 'кал, испражнения; навоз' (СРНГ, вып. 12, с. 347));
- ст.-рус. *слонява* 'засоленная почва, солончак' (СРЯ XI–XVII, вып. 25, с. 116);
- ст.-рус. *слюдва* 'слюда, прозрачный слоистый минерал, который прежде использовался вместо стекла' (СРЯ XI–XVII, вып. 25, с. 150) (ср. рус. диал. *слюдба* 'слюда', *слюдья* 'слюда, стекло' (СРНГ, вып. 38, с. 327)).

К именам существительным, называющим природные и другие вещества, лекарства, можно отнести субстантивы **dъrstva* (ЭССЯ, вып. 5, с. 226), **glěvъ/*glěva* (ЭССЯ, вып. 6, с. 121), **gliva* (ЭССЯ, вып. 6, с. 129–130), **kurivo* (ЭССЯ, вып. 13, с. 125–126), **kur'ava* (ЭССЯ, вып. 13, с. 126), *mazivo* (ЭССЯ, вып. 18, с. 27), рус. *топливо* (ССРЛЯ, т. 15, с. 638).

4. Имена существительные, называющие материалы, виды тканей (в ряде случаев в семантической структуре подобных слов на основе метонимического переноса формируется значение 'изделие из названного материала'):

- **ronjava* – др.-рус. *понава, понева* 'кусок полотна', 'одеяло, покрывало', 'ковёр' (Срезневский, т. 2, с. 1185–1186), ст.-рус. *понява, понева, понѣва* 'кусок полотна, полотенце', 'штука холста', 'домотканая женская одежда типа юбки' (СРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 66–67) (ср. серб.-хорв. *пѣнава* 'подстилка, грубое одеяло', словен. *ronjava* 'полотно, простыня, одеяло' (Фасмер, т. 3, с. 326; ЕСУМ, т. 4, с. 514)). Русскому литературному языку известен субстантив *панёва, понёва* в значении 'юбка из трех полотнищ шерстяной, обычно полосатой или клетчатой яркой ткани, носимая крестьянками' (ССРЛЯ, т. 9, с. 101), рус. диал. *понява, панява* 'занавес, покрывало', 'женский головной убор – большой платок, повязка, легкое покрывало на голову и плечи', 'юбка из домотканой шерсти или холста', 'вид сарафана; длинный сарафан' (СРНГ, вып. 29, с. 279–280);
- ст.-рус. *скалва* 'береста, кусок бересты' (СРЯ XI–XVII, вып. 24, с. 174) (ср. родственные имена существительные: болг. *скала* 'скала', серб.-хорв. *ска̀ла*, словен. *skala* 'скала, щепка', укр. *скала* 'камень' (Фасмер, т. 3, с. 630)). К данной тематической группе следует также относить имена существительные **vъrvъ* (Фасмер, т. 1, с. 294–295; Vaillant, p. 711), **krъživo* (ЭССЯ, вып. 13, с. 39), **prъdivo* (СРНГ, вып. 33, с. 77).

5. Явления и объекты природы, существующие в жидком состоянии:

- **drъgъva* – ст.-рус. *дрогва* 'трясина, зыбучее болото' (СРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 358] (ср. бел. *дрыгва* 'болотистое топкое место' (ТСБЛМ, с. 232), бел. диал. *дрыгва* 'студень, холодец' (Сцяцко, с. 54), 'болото, зыбкое место' (СБГПЗБ, т. 2, с. 96), укр. *дрягва* (семантически тождественно субстантиву *дряговина, драговина*) 'болотистое место, трясина, болото' (СУМ, т. 1, с. 450), *драгва* 'топь, топкое место' (СУМ, т. 1, с. 439)), рус. диал. *дрегва* 'топь, трясина, болото', *дрегва* 'студень, желе в студне' (СРНГ, вып. 8, с. 181–182), *дрогва* 'топь, трясина, болото', *дрягва* 'топь, трясина, болото', 'студень, желе в студне', 'говяжий или рыбий застуженный отвар', 'привяленные овощи' (СРНГ, вып. 8, с. 195, 227);
- **marivo* (ср. бел. *марыва* 'переливающийся слой теплого воздуха около поверхности земли в горячую погоду, дымка' (ЭСБМ, т. 6, с. 241), укр. *марево* 'переливающийся слой теплого воздуха около поверхности земли в горячую погоду, дымка', 'сухой туман' (Білодід, с. 626), рус. *марево* 'переливающийся видимый слой теплого воздуха у поверхности земли (в солнечную погоду)' (ССРЛЯ, т. 6, с. 627), рус. диал. *марево* 'переливающийся видимый слой теплого воздуха у поверхности земли (в солнечную погоду)', 'знойная мгла', 'туман', 'испарения в жаркийзнойный день', *марева* 'туман, вредный для растущих хлебов, овощей, фруктов' (СРНГ, вып. 17, с. 370–371));
- др.-рус., ст.-рус. *лыва* 'болото; низменное заболоченное или затопляемое водой место; лес на заболоченном месте' (СРЯ XI–XVII, вып. 8, с. 315), рус. диал. 'лужа', 'озерный ил, используемый для удобрения почвы', 'плывун из водорослей на море; плавучий нанос у берега моря', 'небольшое болото', 'топкое место в болоте, трясина', 'о жидкости, пролитой на поверхность, разлившейся на поверхности чего-либо' (СРНГ, вып. 17, с. 216–217).

В подавляющем большинстве случаев в качестве производящей основы для вещественных имен существительных с суффиксом **-v-* выступает глагол. Наличие в различных славянских языках рефлексов праславянских форм вещественных существительных, образованных при помощи суффикса **-v-*, позволяет полагать, что данная словообразовательная модель была продуктивной в праславянский период.

С точки зрения формальных особенностей производящей основы выявленные субстантивы с суффиксом **-v-* могут быть распределены по четырем группам:

- 1) субстантивы, образованные от основ глаголов на **-i(ti)* (наиболее многочисленная группа): **kalivo* ← **kaliti*, **kosivo* ← **kositi*, **krъživo* ← **krъžiti*, **krъšivo* ← **krъšiti*, **kurivo* ← **kuriti*, **kъlivo* ← **kъliti*, **marivo* ← **mariti*, **mъšivo* ← **mъšiti*, **moltivo* ← **moltiti* и т. п.;

2) вещественные субстантивы, образованные от глаголов с основой на согласный: **ēdivo* ← **ēsti*, **ēdmь*, **melvo* ← **melti*, **mlivo* ← **melti*, **melivo* ← **melti*, **melzivo* ← **melzti*, **metivo* ← **mesti* и т. п.;

3) существительные, образованные от основ глаголов на *-a(ti) (немногочисленная группа): **drьgьva* ← **grьgati*, **dьrstva* ← **dьrstati*, **měšava* ← **měšati* и т. п.;

4) субстантивы, образованные от индоевропейских глагольных корней (единичные случаи): **myrva* ← и.-е. **mer-*, **glěvь*, **glěva*, **gliva* ← и.-е. **gloi-*, **vьrvь* ← и.-е. **uer-*.

Анализ семантико-грамматической специфики производящих глаголов позволяет сделать вывод о том, что в качестве производящей основы для deverбатов с суффиксом *-v- в подавляющем большинстве случаев выступают переходные глаголы несовершенного вида, обладающие категорией каузативности (*поить*, *мять*, *мести*, *варить*, *молоть* и т. п.).

Отыменные вещественные субстантивы с суффиксом -v- единичны. Они образуются от основ имен существительных: **měsivo* (ср. укр. *м'ясиво* 'мясо, мясное блюдо' (Білодід, с. 838)) ← **měso*, **sočivo* ← **sokъ*, ст.-рус. *слюдва* ← *слюда*). Субстантивы, образованные от имен прилагательных, типа **тъžavь(jь)*, **xlěbovь(jь)* не рассматривались, так как они образованы морфолого-синтаксическим способом, т. е. имеет место субстантивация прилагательного.

Большинство рассмотренных лексических единиц относятся к существительным среднего рода, небольшую группу составляют субстантивы женского рода, например, рус. диал. *мерва* 'мелкие отходы при трепании льна' (СРНГ, вып. 18, с. 113), *пелева*, *мешава*, *дрезва*, *лыва*, *вервь* (*верва*), *дресва*, *понёва*, единичны имена существительные мужского рода: рус. диал. *глев* 'слизь, пленка на квасе, пиве, плесень', 'клейковатая слизь, покрывающая чешую рыбы', 'рыбья чешуя' (СРНГ, вып. 6, с. 193), *жнев* (*жнив*) 'остатки стеблей сжатых злаков на жниве, стерня' (СРНГ, вып. 9, с. 209).

Современный русский литературный язык сохраняет половину вещественных субстантивов, восходящих к славянским праформам. Сопоставительный анализ семантики таких существительных на разных хронологических срезах – древнерусском, старорусском и современном – показывает, что вещественная семантика древнерусского слова оказывается стабильной и сохраняется без изменений вплоть до современного языкового состояния: ст.-рус. *жниво* 'хлеб, зерно на корню' (СРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 121) – рус. обл. *жнива*, *жниво* 'солома, оставшаяся после жатвы на корню, стерня' (ССРЛЯ, т. 4, с. 179–180); ст.-рус. *крошиво* 'рубленая капуста' (СРЯ XI–XVII, вып. 8, с. 76) – рус. разг. *крошево* 'кушанье из крошенных кусков разных продуктов', 'крошки, куски какой-либо пищи; вообще о кусках чего-либо' (ССРЛЯ, т. 5, с. 1708); др.-рус., ст.-рус. *мурава* 'зеленая молодая трава' (СРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 308) – рус. *мурава* 'густо растущая сочная молодая трава' (ССРЛЯ, вып. 6, с. 1368); ст.-рус. *печиво* 'то, что испечено или зажарено' (СРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 39) – рус. разг. *печево* 'то, что испечено, преимущественно хлебное' (ССРЛЯ, т. 9, с. 1142–1143); др.-рус., ст.-рус. *пиво* 'то, что пьют; питье, напиток', 'поток, струя', 'хмельной напиток, пиво' (СРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 44) – рус. *пиво* 'слабоалкогольный пенящийся напиток с характерным хмелевым запахом, изготавливаемый преимущественно из ячменного солода с добавлением хмеля' (ССРЛЯ, т. 9, с. 1164); др.-рус., ст.-рус. *молозиво* 'первое молоко после родов' (Срезневский, т. 2, с. 170; СРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 251) – рус. *молозиво* 'жидкость, выделяющаяся из молочных желез женщин и самок млекопитающих перед родами и в первое время после родов' (ССРЛЯ, т. 6, с. 1193); др.-рус. *кроуживо* 'кружево' (Срезневский, т. 1, с. 1334), ст.-рус. *кружево*, *круживо* 'тканая, шитая или плетеная узорчатая отделка, нашиваемая по краям одежды, головных уборов, изделий из тканей' (СРЯ XI–XVII, вып. 8, с. 84) – рус. *кружево* 'узорчатая ткань из ниток для отделки белья, платьев и т. п. и украшения домашней обстановки' (ССРЛЯ, т. 5, с. 1725–1726); ст.-рус. *дресва* 'крупный песок, образующийся при разрушении некоторых горных пород' (СРЯ XI–XVII, вып. 3, с. 355) – рус. *дресва* 'мелкий щебень, крупный песок, получающийся от выветривания горных пород при обделке камня и т. п.' (ССРЛЯ, т. 3, с. 1112) и др. Такие субстантивы восходят к праславянским формам, рефлексy которых известны большинству славянских языков.

В единичных случаях семантическая структура субстантива в современном русском литературном языке наряду с вещественным значением включает процессуальное и (или) конкретное: ст.-рус. *варево*, *вариво* 'то, что сварено, варево' (СРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 19) – рус. прост. *варево* 'вареная, жидкая пища', 'то же, что *варение*, *варка*' (ССРЛЯ, т. 2, с. 56); рус. прост. *мелево* 'то, что подлежит размолу или размолото', 'о человеке много и глупо говорящем' (ССРЛЯ, т. 6, с. 802).

Разветвленность семантической структуры, в которой обнаруживаются не только вещественные, но и процессуальные, и конкретные значения, свойственна как субстантивам, относящимся к более ранним периодам, так и существительным, зафиксированным в современных русских говорах. Поскольку существительные образованы от глагольных основ, первичным было процессуальное значение. Вещественные и другие значения, входящие в семантическую структуру подобных субстантивов, являются вторичными, основанными на метонимическом переносе: ст.-рус. *прядиво*, *прядево* 'пряжа, нить', 'фитиль',

‘прядение’ (СРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 24–25; Срезневский, т. 2, с. 1716) – рус. *прядево* ‘волокно, кудель, приготовленные для прядения’ (ССРЛЯ, т. 11, с. 1588) – рус. диал. *прядево* ‘растения, волокно которых используется для прядения’, ‘прядение’, ‘нитки, полученные прядением, пряжа (конопляная, льняная, шерстяная)’, ‘холст, изделие из такой пряжи’ (СРНГ, вып. 33, с. 77); рус. диал. *поиво* ‘то, что пьют, питье’, ‘водопой’, ‘поение скота’, ‘водопойное корыто, где или из чего поят коров’ (СРНГ, вып. 28, с. 343–344); рус. диал. *жниво* ‘остатки стеблей сжатых злаков на жниве, стерня’, ‘поле с культурными растениями’, ‘сжатая трава’ (СРНГ, вып. 9, с. 209–211), рус. *сеево* ‘о том, что падает, рассеивается мелкими частицами, как бы просеянное сквозь сито’ (ССРЛЯ, т. 13, с. 571) – рус. диал. *сеево* ‘лукошко для ручного сева’ (СРНГ, вып. 37, с. 120) и т. п.

Варианты вещественных субстантивов с алломорфами *-ив-* и *-ев-* появляются в великорусский период. В памятниках древнерусского языка фиксируются существительные с *-ив-*: *круживо/кружево*, *прядиво/прядево*, *вариво/варево*, *куриво/курево*. Ю. С. Азарх полагает, что появление названий разновидностей вещества на *-ево* вызвано тем, что общеименной суффикс *-ев-* (алломорф *-ов-*) принадлежит к группе суффиксов с первичным значением отношения/принадлежности, как и суффиксы дериватов той же семантической группы *-ин-*, *-ьн-* (ср. *кобылятина*, *полотьно*, *сукъно* и т. п.) [7, с. 167–168].

Девербативы с суффиксом *-в-* более продуктивны для диалектов северо-запада, смоленских говоров [7, с. 167–168]. Именно русские говоры сохраняют не зафиксированные в лексикографических источниках древнерусского и великорусского периодов или в толковых словарях современного русского литературного языка субстантивы, являющиеся рефлексам праславянских существительных: *метиво*, *каливо* (*калево*), *глев*, *мазиво*, *мешава*, *молочиво* и др. Сохранение таких слов в диалектах закономерно ввиду значения вещественности, связанного с бытовой сферой, которая, как правило, не находит детального отражения в памятниках письменности. При этом наличие реконструированной праформы, к которой восходит субстантив, и лексических соответствий в других славянских языках не вызывает сомнений в том, что имя существительное не является новообразованием.

В древнерусский и великорусский периоды словообразовательный тип отглагольных вещественных субстантивов с суффиксом *-в(-о, -а)* был малопродуктивен. По данным исторических словарей, в письменных источниках великорусского периода отражены некоторые вещественные субстантивы, не зафиксированные в древнерусских письменных памятниках: *крошиво*, *меливо*, *мятиво*, *поиво*, *печиво*, *мливо*, *скалва*, *дресва*, *дрогва* (см. также [7, с. 167–168]). В памятниках древнерусской и великорусской письменности не зафиксированы существительные *жарево* ‘жареная пища’ (ССРЛЯ, т. 4, с. 35), *сеево* ‘о том, что падает, рассеивается мелкими частицами, как бы просеянное сквозь сито’ (ССРЛЯ, т. 13, с. 571), *хлёбово* ‘жидкая пища, похлёбка’ (ССРЛЯ, т. 17, с. 181), которые, очевидно, появляются позже. Субстантивы *жарево* и *хлёбово* подаются в «Словаре русского литературного языка» с пометой «просторечное». По данным «Национального корпуса русского языка», существительное *сеево* фиксируется в ограниченном количестве художественных текстов. Данный факт свидетельствует о том, что словообразовательный тип вещественных существительных с формантом *-в(о)* на современном этапе может обнаруживать некоторую продуктивность в разговорной и художественной речи [8, с. 153–154].

Наряду с субстантивами на *-во (-ва)* были выявлены их словообразовательные синонимы. Суффикс *-в-* наиболее часто вступает в отношения словообразовательной синонимии со следующими формантами или их алломорфами:

1) *-н-*: рус. диал. *мазиво* ‘неудавшееся тесто, плохо вымешенное и неподнявшееся’, ‘жидкая каша’ (ЭССЯ, вып. 18, с. 27) – рус. диал. *мазня* ‘овсяная каша’, ‘жидковатая каша’ (СРНГ, вып. 17, с. 298); рус. *жарево* – ст.-рус. *жарина* ‘кушанье из жареного мяса или овощей’ (СРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 75); ст.-рус. *прядиво*, *прядево* – ст.-рус. *прядено* ‘пряжа, нитки’, ‘материал, подготовленный для прядения’ (СРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 24); рус. диал. *глев* ‘слизь, пленка на квасе, пиве, плесень’, ‘клейковатая слизь, покрывающая чешую рыбы’ (СРНГ, вып. 6, с. 193) – др.-рус. *гльнь* ‘мокрота, влага, сок’, ‘желчь’ (Срезневский, т. 1, с. 523) и др.;

2) *-л-*: рус. *кружево* – рус. диал. *кружило* ‘кружевная лента из шелка или бумажных ниток, отделанная бисером, жемчугом и т. п.’, *кружела* ‘кружева’ (СРНГ, вып. 15, с. 310–311), рус. *дресва* – рус. диал. *дресла* ‘источенный белый камень, используемый для жерновов; дресва’ (СРНГ, вып. 8, с. 185), ст.-рус. *поиво* – рус. диал. *поило* ‘то, что пьют; питье’, ‘питье для скота’ (СРНГ, вып. 28, с. 346) и др.;

3) *-ј-*: рус. *молозиво* – рус. диал. *молозье*, *молозьё* ‘молоко коровы в первое время после отела; молозиво’ (СРНГ, вып. 18, с. 233); рус. диал. *едиво* – рус. диал. *ежа* ‘еда’ (Даль, т. 1, с. 567); рус. диал. *молочиво* (восходит к **moltivo*) – рус. диал. *молотьё*, *молотьё* ‘зерно, предназначенное для помола’, ‘размельченные в муку зерна, помол’ (СРНГ, вып. 18, с. 242) и др.;

4) **-к-**: ст.-рус. *скалва* – ст.-рус. *скалка* ‘береста, кусок бересты’ (СРЯ XI–XVII, вып. 24, с. 174); ст.-рус., рус. диал. *поиво* – рус. диал. *пойка* ‘пойло’ (СРНГ, вып. 28, с. 353); рус. диал. *метиво* – рус. диал. *метик* ‘объедки соломы’ (СРНГ, вып. 18, с. 138) и др.

Ограниченное число субстантивов образовано посредством таких синоморфем, как **-б-**: рус. диал. *едиво* – рус. диал. *едоба* (ЭССЯ, вып. 6, с. 48), рус. диал. *куравый* (ср. бел. *курава* ‘густой едкий дым при тлении, горении без пламени, сажа от дыма’ (ТСБЛМ, с. 385), укр. *курыва* ‘мелкие твердые частицы, которые висят в воздухе или оседают на поверхности чего-либо’ (Білодід, с. 414)) – рус. диал. *курьба* ‘метель’ (СРНГ, вып. 16, с. 151), **-тв-**: рус. обл. *жниво* ‘солома, оставшаяся после жатвы на корню, стерня’ (ССРЛЯ, т. 4, с. 179–180) – рус. диал. *жнитва* ‘остатки стеблей сжатых злаков на жниве, стерня’, ‘солома, собираемая в поле после перевозки хлеба’, ‘скошенная рожь’, *жнитво* ‘остатки стеблей сжатых злаков на жниве, стерня’, ‘спелый хлеб на корню’ (СРНГ, вып. 9, с. 212), **-д-**: рус. диал. *пелева* ‘мякина’, ‘овсяные отруби’, ‘опилки’, ‘пленка, в которой находится икра рыбы’ (СРНГ, вып. 25, с. 322) – рус. диал. *пелед* ‘слой соломы, служащий для утепления стен овинов, домов’ (СРНГ, вып. 25, с. 323), **-з-**: рус. *месиво* ‘вязкая, глубокая грязь на почве, дороге’ (ССРЛЯ, т. 6, с. 876–877) – рус. диал. *месига* ‘вязкая грязь на дороге’ (СРНГ, вып. 18, с. 125).

Особый интерес представляют случаи, когда при отсутствии в русском языке рефлексов праславянских форм с суффиксом ***-v-** синонимичное значение имеют существительные, образованные при помощи синоморфем рассматриваемого форманта: **kǫrmivo* ‘корм для животных’ (ср.: серб.-хорв. *kǫrmivo* ‘корм (для скота)’, чеш. *krmivo* ‘корм (для скота, домашней птицы и т. п.)’, словац. *krmivo* ‘корм для животных’ (ЭССЯ, вып. 13, с. 226)) – рус. диал. *кормина* ‘корм для скота (мякина, солома и т. п., но не сено)’, ‘солома после обмолота’ (СРНГ, вып. 14, с. 336; ЭССЯ, вып. 13, с. 225), *кормля* ‘то, что едят, еда, корм’, ‘кормление, кормежка, пища, корм’ (СРНГ, вып. 14, с. 337); **dojivo* ‘доение, молоко’ (ср. серб.-хорв. *dojivo* ‘кормление (с помощью кормилицы)’, ‘удой, надой’, чеш. диал. *dojivo* ‘молоко во всех видах’, ‘надоенное молоко’, укр. *dijvo* ‘удой’, ‘молоко, молочные продукты’ (ЭССЯ, вып. 5, с. 54)) – рус. диал. *дойло* ‘удой’ (СРНГ, вып. 8, с. 96), ‘все количество молока, выдоенное за сутки из одной скотины; в дойле два или три удоя; дойлом зовут и негодное дурное молоко’ (Даль, т. 1, с. 513); **kvasivo* ‘квашение, то, что квасят’ (ср.: словац. *kvasivo* ‘закваска’, укр. *квасиво* ‘квашенье (квашенные бураки, капуста, яблоки и др.)’ (ЭССЯ, вып. 13, с. 153; 10, т. 2, с. 231)) – рус. диал. *квасовье* ‘осадок в квасе’, ‘тесто из солода’, ‘остатки теста в квашне, закваска’ (СРНГ, вып. 13, с. 161), *квасила* ‘раствор овсяной муки, используемый при выделке овчин’, ‘заквашенный овес, используемый для отбеливания льна’, *квасило* ‘квас’, ‘раствор муки с дрожжами, используемый при квашении’, *квасина* ‘квас’ (СРНГ, вып. 13, с. 159) и др.

Представленный выше материал показывает, что в условиях конкуренции рассматриваемого форманта с другими суффиксами в русском литературном языке сохраняются существительные, относящиеся к словообразовательному типу вещественных девербативов с формантом **-в-**.

Заключение

Анализ языкового материала демонстрирует, что словообразовательный тип отглагольных вещественных субстантивов, образованных с помощью форманта ***-v- → -в-**, был наиболее продуктивен в период славянского единства. В дальнейшем степень его продуктивности снижалась, поэтому закономерно сохранение небольшого количества соответствующих субстантивов в современном русском литературном языке в сравнении с праславянским периодом.

Выявленные субстантивы служат для наименования различных видов веществ, что позволило выделить пять тематических групп: 1) названия пищевых продуктов; 2) названия сельскохозяйственных культур или отходов, образующихся после их обработки, растительности; 3) названия природных и других веществ, лекарств; 4) наименования материалов, видов тканей; 5) наименования явлений и объектов природы, существующих в жидком состоянии. Последовательность тематических групп указана в соответствии с количеством лексических единиц, входящих в них.

Производящей основой для вещественных девербативов в подавляющем большинстве случаев выступают основы переходных каузативных глаголов на ***-i(ti)** и на согласный. Редки случаи образования субстантивов от основ глаголов на ***-a(ti)**, в единичных случаях вещественные имена существительные образуются от индоевропейских глагольных корневых морфем и от именных основ.

Семантическая структура ряда вещественных существительных содержит не только вещественные семы, что обусловлено производящей основой. Для отглагольных субстантивов первично процессуальное значение, на основе которого закономерно возникают вещественные, конкретные, локативные, орудийные и другие значения. При этом отыменные производные с суффиксом **-в-** выражают только значение вещества. Тенденция сужения семантического объема субстантивов с суффиксом **-в-**

от праславянского периода до современного состояния русского языка обуславливает закрепление в современном литературном языке субстантивов, имеющих только вещественное значение (исключая конкретное существительное *панева*): *варево, вервь, дресва, жниво, крошево, кружево, курево, марево, мелево, месиво, молозиво, мурава, печево, пиво, полова (пелёва), прядево, сочиво* (субстантивы *топливо, сеево, жарево, хлёбово*, древность которых вызывает сомнения, также имеют только вещественные значения).

Наблюдения за вещественными субстантивами с суффиксом *-в-*, зафиксированными на разных хронологических срезах, позволили выявить многочисленный ряд словообразовательных синонимов, образованных с помощью других суффиксов. Как правило, в случае конкуренции формантов в литературном языке сохраняется вещественный субстантив с суффиксом *-в-* или его алломорфами. Примечательно, что в ряде случаев в русском языке остается субстантив с синоморфемой, в то время как в других славянских языках закрепляется его синоним, восходящий к праславянской форме с суффиксом **-v-*. Явление суффиксальной синонимии рассматривается как сопутствующее, однако наблюдения за данным материалом служат подтверждением продуктивности словообразовательного типа с формантом **-v-* в праславянский период.

Сокращения

Білодід – Словник української мови : в 11 т. Т. 4 / пад рэд. І. К. Білодіда. Київ : Наукова думка, 1973. 840 с.; **Даль** – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : РИПОЛ классик, 2006. 4 т.; **ЕСУМ** – Етимологічний словник української мови : в 7 т. Київ : Наукова думка; 1982–2012. 7 т.; **Насовіч** – *Насовіч І.* Слоўнік беларускай мовы : у 7 т. Мінск : Беларус. савец. энцыкл., 1983. 792 с.; **СБГПЗБ** – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. Т. 2. Мінск : Навука і тэхніка, 1980. 728 с.; **Срезневский** – *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб. : Тип. акад. наук, 1893–1912. 3 т.; **СРЛЯ** – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / В. И. Чернышев [гл. ред.]. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950–1965. 17 т.; **СРНГ** – Словарь русских народных говоров : в 47 вып. / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Л. : Наука; 1965–2014. 47 вып.; **СРЯ XI–XVII** – Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 30 вып. / под ред. С. Г. Бархударова [и др.]. М. : Наука, 1975–2015. 30 вып.; **СУМ** – Словарь української мови : в 4 т. Київ : Вид-во Акад. наук УССР, 1958–1959; **Сняцко** – *Сняцко П. У.* Діялектны слоўнік (з гаворак Зэльвеншчыны). Мінск : Выд-ва БДУ імя У. І. Леніна, 1970. 183 с.; **ТСБЛМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. І. Л. Капылова. Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. 968 с.; **ТСБМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т., 6 кн. Т. 3 / пад рэд. К. К. Атраховіча. Мінск : Гал. рэд. Беларус. сав. энцыкл., 1979. 672 с.; **Фасмер** – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. О. Н. Трубачева. М. : Астрель : АСТ, 2009; **ЭСБМ** – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–14 / Г. А. Цыхун [гал. рэд.]. Мінск : Беларус. навука, 1978–2017; **ЭССЯ** – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд : в 39 вып. / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Наука, 1974–2014. 39 вып.; **SEJP** – *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków : Wyd-wo Literackie, 2005. 861 s.; **Vaillant** – *Vaillant A.* Grammaire compare des langues slaves. T. 4. Paris : Editions Klincksieck, 1974. 809 p.

Библиографические ссылки

1. Никонов ВА. Поиски системы. В: Трубачев ОН, Гиндин ЛА, Климов ГА, Меркулова ВА, Топоров ВН, редакторы. *Этимология. Исследования по русскому и другим языкам*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1963. с. 217–235.
2. Варбот ЖЖ. О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях. В: Трубачев ОН, Гиндин ЛА, Климов ГА, Меркулова ВА, Топоров ВН, редакторы. *Этимология. Исследования по русскому и другим языкам*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1963. с. 194–212.
3. Улуханов ИС. Основы построения исторического словообразования русского языка. *Русистика сегодня. Отделение литературы и языка Российской академии наук*. 1995;1:9–22.
4. Трубачев ОН. Этимологические исследования и лексическая семантика. В: Ярцева ВН, Колшанский ГВ, Телия ВН, редакторы. *Принципы и методы семантических исследований*. Москва: Наука; 1976. с. 147–179.
5. Шанский НМ. Лексическая деривация в русском языке. *Русский язык в школе*. 1977;3:9–16.
6. Виноградов ВВ. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков). В: Виноградов ВВ. *Исследования по русской грамматике. Избранные труды*. Москва: Наука; 1975. с. 166–221.
7. Азарх ЮС. *Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка*. Москва: Наука; 1984. 246 с.
8. Шведова НЮ, редактор. *Русская грамматика. Том 1*. Москва: Наука; 1980. 788 с.

References

1. Nikonov VA. [System searches]. In: Trubachev ON, Gindin LA, Klimov GA, Merkulova VA, Toporov VN, editors. *Etimologiya: issledovaniya po russkomu i drugim yazykam* [Etymology: studies in Russian and other languages]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of USSR; 1963. p. 217–235. Russian.

2. Varbot ZhZh. [On word formation analysis in etymological research]. In: Trubachev ON, Gindin LA, Klimov GA, Merkulova VA, Toporov VN, editors. *Etimologiya: issledovaniya po russkomu i drugim yazykam* [Etymology: studies in Russian and other languages]. Moscow: Publishing House of Academy of Sciences of USSR; 1963. p. 194–212. Russian.
3. Uluhanov IS. The basics of composition the historical word formation of the Russian language. *Rusistika segodnya. Otdelenie literatury i yazyka Rossiiskoi akademii nauk*. 1995;1:9–22. Russian.
4. Trubachev ON. [Etymological research and lexical semantics]. In: Jarceva VN, Kolshanskij GV, Telija VN, editors. *Principy i metody semanticheskikh issledovaniy* [Principles and methods of semantic research]. Moscow: Nauka; 1976. p. 147–179. Russian.
5. Shanskij NM. Lexical derivation in Russian. *Russkii yazyk v shkole*. 1977;3:9–16. Russian.
6. Vinogradov VV. [Word formation in its relation to grammar and lexicology (based on the material of Russian and related languages)]. In: Vinogradov VV. *Issledovaniya po russkoi grammatike: Izbrannye trudy* [Studies in Russian grammar: selected works]. Moscow: Nauka; 1975. p. 166–221. Russian.
7. Azarkh YuS. *Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushchestvitel'nykh v istorii russkogo yazyka* [Word formation and form formation of nouns in the history of the Russian language]. Moscow: Nauka; 1984. 246 p. Russian.
8. Shvedova NYu, editor-in-chief. *Russkaya grammatika. Tom 1* [Russian grammar. Volume 1]. Moscow: Nauka; 1980. 788 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 01.10.2020.
Received by editorial board 01.10.2020.